

Покинув больницу, Шао Вэньцин пребывал в смятении. Не желая возвращаться домой, он до глубокой ночи пил в одиночестве в баре, пока его не забрал семейный водитель.

Родовое поместье Шао по завещанию перешло во владение их ветви семьи. Три поколения превратили этот старый дом у подножия горы Фэнгуэй в пригороде города А в образец роскоши, где каждая деталь дышала богатством. Оттолкнув дворецкого, пытавшегося помочь, Шао Вэньцин, хмурый и шатающийся, направился к лестнице – и неожиданно увидел в освещённом зале двух ожидавших его людей.

– Вэньцин, – вздохнула Ляо Хэин, поддерживая сына. – Он в таком состоянии... Давайте отложим разговор до завтра.

Шао Юйбо, лицо которого пылало гневом, грубо отстранил жену и пнул сына в грудь:

– Ничтожество! Поднимайся!

Шао Вэньцин всё ещё боялся отца. Хотя он и был пьян, этот удар частично протрезвил его. Дрожа, он поднялся:

– Отец...

Шао Юйбо снова ударил его, одновременно рявкнув:

– Это ты устроил историю с госпитализацией Шао Яня?!

– Отец?! – Шао Вэньцин в смятении отступил на шаг, бросая взгляд на Ляо Хэин. Увидев, как мать отворачивается, не в силах смотреть, он тут же рухнул на колени: – Отец! Позволь объяснить...

Шао Юйбо и так всё понял. Размахнувшись, он швырнул телефон в лицо сына. Шао Вэньцин глухо ахнул, на мгновение прикрыв лицо руками, затем, дрожа, пересказал сегодняшние угрозы Шао Яня. Причины «воспитательных» мер в адрес Шао Яня даже не требовали объяснений – Шао Вэньцин знал, что отец ценит только результат.

– Ты! Ни на что не годный неудачник! – Шао Юйбо яростно ткнул пальцем в сына, затем отшвырнул его пинком. – Вон!!

Шао Вэньцин, прикрывая уши, медленно поднялся. Ляо Хэин с рыданиями бросилась к нему, пытаясь поддержать, но сын едва заметно уклонился от её прикосновения.

– Вэньцин... – всхлипывая, позвала она.

Шао Вэньцин отвернулся, не глядя на мать, и заковылял прочь.

Ляо Хэин вскоре успокоилась. Осипшим от слёз голосом она спросила мужа:

- Вэньцин сказал, что у Шао Яня есть запись. Что будем делать?

Шао Юйбо фыркнул:

- Что делать? А что, по-твоему, делать?

Немного остыв, он быстро взял себя в руки:

- Вэньцин говорил, что Шао Янь записал показания тех братьев. Это не страшно - я улажу всё в суде. Раз это не слова самого Вэньцина, я смогу решить проблему. В городе А сейчас никто в здравом уме не станет использовать эту запись, чтобы помочь Шао Ганьгэ против нас. Главное сейчас - не дать братьям Дин повернуться против нас.

Ляо Хэин скрипнула зубами от злости:

- Я сегодня видела этих ублюдков - жалкие трусливые твари! Без их подстрекательства Вэньцин никогда не устроил бы такой провал!

- И ты ещё смеешь говорить! Всё из-за твоего баловства! - Шао Юйбо и слушать не хотел её оправданий. - Старик только что умер, и всё, что у нас есть - деньги, власть - я добыл сам! Без меня мы бы сейчас прозябали под пятой старшей ветви! Так что присматривай за Вэньцином! Если он ещё раз подведёт меня - все вылетите к чёрту!

День выписки выдался ясным и прохладным. Шао Янь не скрывал своего любопытства к новому миру за окном машины, а его непривычная улыбка одновременно радовала и разбивала сердце матери.

В больнице он почти ничего не ел - только фрукты и воду, брезгливо отворачиваясь от больничной еды. Хотя он и раньше был привередлив, после травмы эта привычка обострилась. Всего за месяц он заметно похудел, и хотя теперь выглядел куда лучше, чем в своём прежнем расплывшемся состоянии, но мать в первую очередь беспокоило его здоровье.

Однако Шао Янь держался с невозмутимостью человека, который и не думал бороться за жизнь. Целыми днями он либо спал, либо читал. Несмотря на скудное питание, его тело не ослабело - иногда он даже гулял по газону, беседуя с другими пациентами. Казалось, его характер стал даже жизнерадостнее прежнего.

Такой Шао Янь был непривычен матери, но в то же время его взросление радовало её. Он - её

единственный ребёнок, рождённый в мучительных родах, за которые она едва не заплатила жизнью. Он – её смысл и надежда на будущее. Именно поэтому все эти годы, понимая вред чрезмерной опеки, она всё равно не могла остановиться.

Но жизнь редко бывает гладкой, особенно в такой сложной семье, как Шао. Как мать, она сделала всё, чтобы обеспечить сыну беззаботную юность. Но что будет после её смерти?

С его прежней наивностью от него бы и косточек не осталось...

Похоже, это болезненное падение не прошло даром – оно вырвало ребёнка из тепличных условий и показало ему жестокий мир интриг. И в этом был свой прогресс.

Усадьба Шао оказалась не столь роскошной, как представлял себе Шао Янь. Хотя она располагалась в самом престижном туристическом районе города А, дом был всего лишь небольшим западным особняком, какие часто показывали по телевизору. Шао Янь предпочитал традиционные китайские постройки с красными карнизами и изумрудной черепицей, но, видимо, в эту эпоху такие здания вышли из моды.

Боясь утомить сына, мать не стала задерживать его разговорами. Проводив Шао Яня в комнату, она тихо попросила его отдохнуть и не тревожиться, затем так же тихо закрыла дверь.

Шао Янь неловко распахнул окно. Тёплые лучи закатного солнца залили комнату, а за окном простиралась гладь озера, подёрнутого лёгкой рябью.

Его взгляд переключился на внутреннее убранство комнаты.

Эта комната явно не соответствовала стилю прежнего хозяина, о котором Шао Янь успел узнать за последние дни. Хотя бы по тому, как целая стена была заставлена новенькими книгами, можно было понять, насколько различались взгляды амбициозных родителей и самого Шао Яня.

Шао Янь наугад вытащил одну из книг. Изысканный переплёт и качественная бумага на мгновение заставили его застыть. Увидев на обложке знакомые иероглифы в традиционном написании, он почувствовал радость.

- Шан шу.

- Три стратегии Хуан Шигуна.

- Сто записей Цю Цзи

Прочитанные книги он откладывал в сторону. Не имея других дел, Шао Янь прислонился к окну и с головой погрузился в изучение новых для него текстов.

Шао-старший, заметив жену на лестнице, затушил сигарету:

- Всё в порядке?

- Пусть сам осмотрится, - села рядом с мужем мать Шао, не скрывая тревоги. - Что будем делать? Врачи говорят, он даже некоторые иероглифы забыл. Как он теперь учиться будет?

- О чём переживать? Всё равно раньше он учиться не любил. Пусть так и остаётся. Даже если мозг повреждён, я как отец обязан его содержать.

Хотя слова звучали грубовато, в глазах Шао-старшего читалась забота. Помолчав, он продолжил: - Сейчас главное - вопрос с акциями группы.

Мать Шао вздохнула:

- Раньше и подумать не могла, что младшая ветвь семьи окажется такой. Удалось выяснить, какие у них отношения с Чжу Шилинем?

Чжу Шилинь - тот самый адвокат, который неожиданно объявил о завещании после смерти старейшины Шао.

Документ был нотариально заверен и имел юридическую силу. Однако Шао-старший не был так прост. Подпись старейшины на завещании выглядела неровной, словно поставленной в неестественном состоянии. Но при наличии нотариального удостоверения и подтверждения корпоративного юриста, оспорить такой документ лишь на основании подозрений было невозможно.

<http://bllate.org/book/12929/1134675>